О чём я говорю, когда говорю о деревьях, птицах и облаках

Задаю себе вопросы и сам же на них отвечаю. Только и всего.
Харуки Мураками
(«О чём я говорю, когда говорю о беге»)

Первое появление в саду. Воробьи на своих гнёздах под лоджией сразу же установили наблюдение. Оживлённо чирикая, передают друг другу информацию о моих перемещениях. Но вскоре успокоились, видимо, вспомнив меня. Трясогузка даже не подала вида, что заметила, деловито прыгает рядом, кормясь, чем Бог послал. На верхушке дуба раскричалась всегда готовая постоять за свои права сорока. А гуси устало переговариваются на подлёте к островам, которые, как и вся Волга, уже освободились от зимнего покрова.

Очередная весна зажглась. Зелень радует глаза – неудержимо тянется к солнцу, распрямляется. А в голове, как всегда, неразбериха. Как ни старайся относиться к жизни спокойно и мудро, душа мятётся, и разум всё никак не может насытиться, всё тянет его в неведомое. Казалось бы, чего проще – успокоиться на склоне-то лет и жить. Не получается.

Как сложится это лето? Даже Бог не ответит.

Развёл костерок. Мысли вновь заплясали огоньками. Например, многих удивляют совпадения в судьбах людей. Но ведь все наши самые невероятные совпадения сущие пустяки по сравнению с нескончаемой чередой совпадений, приведших к появлению земной жизни и продолжающих её поддерживать.

Обречённые понимать. Звучит драматично. Ведь во многих знаниях, как известно, много печали. Есть и обречённые не понимать. Звучит ещё драматичнее, поскольку свидетельствует о некой неполноценности. Но к карьерному успеху, телесному здоровью, любви, дружбе и многим другим радостям жизни и то, и другое прямого отношения не имеет.

Или мы привычно говорим, что о нации судят по лучшим её представителям. Но разве на самом деле о нациях мы судим не по тем её представителям, какие уж нам волей случая попались на пути? Отсюда такое разнообразие мнений обо всех нациях без исключения. И нет единого мнения ни об одной. А, в конечном счёте, каждый из нас отвечает и за лучших, и за худших своих соплеменников.

Если евреев тысячелетиями скрепляет вера, то нас – русский язык. Не всякий еврей поймёт другого, ведь говорят они на разных языках даже в Иерусалиме. И так было всегда. Но всякий русский узнает другого по родному языку, где бы их встреча ни случилась. И так тоже было всегда. Скорее всего, я заблуждаюсь и на счёт евреев, и на счёт русских. Ну и пусть.

На верхней ветке дуба кукует кукушка. Заметив меня, замолчала. Потом снялась и полетела дальше со своим волнующим то звонким, то глухим «ку-ку». Мир, когда кукушка замолкает, становится совсем другим. Его охватывает неожиданная тишина. «Ку-ку» и, сразу, тишина.

Удивительно устроено человеческое зрение. Смотришь на скромный полевой цветок, а видишь всю Землю и даже Космос.

Эх, господа, радуйтесь, пока живы!

Утром прохожу мимо хлебного магазинчика. Каждый раз обволакивает родным с детства запахом только что привезенного из пекарни хлеба. Запах хлеба – запах настоящей жизни.

В телевизионном репортаже о террористическом акте в Минском метро пострадавший парень послал его зачинщиков куда подальше. Там бы оказаться и всем остальным, кто пускается во все тяжкие, добиваясь своих целей, объявляемых лучшими. В итоге навязывания другим своих идей и образа жизни мы все варимся в бурлящем несправедливостью котле. Впрочем, так было всегда.

Главное, парень спасся, хотя и остался без ног. Девушка, опоздавшая, слава Богу, на свидание, не бросила его. Они любят друг друга. Ждут суперсовременных протезов, и у них вся жизнь впереди.

Второй день затишье, как будто прошумевший накануне ураган унёс с собой весь местный ветер. Ни ветринки. И комаров по-прежнему нет. Видно, далеко их ураган унёс.

На Волге тихо. Квакает и булькает лягушка в камышах. Возле берега носятся стайки мальков. Дворняжка бегает по берегу, вынюхивая себе еду. Усатый с добродушным взглядом дядька в панаме ловит на удочку краснопёрок. Споро и спокойно прошёл между островом и берегом буксир с мерно работающим дизелем. Пригнал мощную волну, которая обрушилась на берег. Эти волны от моторных лодок и пароходов памятны с детских лет. Мы всегда с нетерпением ждали их приближения, чтобы с радостным визгом броситься на них.

Между тем облака заволокли небо. Всё-таки пахнет дождём.

Серьёзные хозяйственные дела и долгие гости выбивают из колеи. Хочется прежнего одиночества, неспешности. И хочется дождя. А потом захочется солнца. И долгих гостей. И новый хозяйственный замысел опять возникнет в голове. А затем вновь потянет к книге, бесконечным раздумьям.

Многие обходятся без искусства и живут себе припеваючи. Но как скучно, должно быть, выглядела бы без него цивилизация людей. Несколько дней живу под впечатлением «живой жизни» Вересаева и «виноградной косточки» Окуджавы. Вот уж, действительно, мне грустно и легко. Душа моя наполнилась чувствами, далёкими от окружающей действительности. И сладко ноет.

Глядя на буйно расцветшую хамоватую поп-культуру, невольно задумываешься, а не уйдёт ли с нашим поколением и сам Пушкин? Впрочем, его не раз уже сбрасывали с пароходов современности. А он жив. И по-прежнему «наше всё». Ничего, брат Пушкин. Прорвёмся и на этот раз. Хотя бы ради моего внука Тимоши.

«Абсурдность лежит в основе современного искусства!» Об этом кричат на всех перекрёстках. Абсурдна и сама жизнь. Но сквозь абсурдность всегда жило стремление к красоте, добру. Мир человека всегда был сложен, а

не прост. Отражая одну абсурдность, не ищут ли художники лёгких путей – более зрелищных, значит, более выгодных, денежных? Что ж, в этом нет ничего зазорного, незачем и тень на плетень наводить.

Некоторые учёные утверждают, что человек не эффективен. Ведь вдохновение приходит редко и далеко не ко всем. Жизнь состоит из годов монотонной работы и безделья. Добавим, что человек, в общем-то, и не эффектен. На бога явно не тянет. Такая же песчинка эволюции, как и все прочие – муравьи, слоны или звёзды.

Утро не бывает недобрым. Недобрыми встречаем его мы.

Как же благоуханно цветёт виноград! Если его изысканный запах заполнит собой весь сад, то впаду в нирвану. И увижу, наконец, всё в истинном свете. Главное, любить свой виноградник, неважно, хозяин ты или скромный работник. Отдача будет одинаковой – любовь виноградника к тебе. Любое растение, как и человек, дружит с тем, кто не бросит его в трудную минуту, поддержит, поверит. Не обманет.

Жаль срезать увядшие пионы. Только что они красовались розовыми лохматыми шапочками, наполняя сад чудесным ароматом. И вот всё для них кончено. Правда, в отличие от людей, до следующего года. Конечно, это будут другие цветы. Но куст тот же, только разрастающийся. Вернее, корень один, невидимо укрепляющийся в земле. В саду всегда что-нибудь цветёт и отцветает. Красиво цветёт и тихо, печально отцветает.

Приятель работает над фотоколлажем «Последний птеродактиль». Его последнее яйцо разбито – больше птеродактилей не будет. Потеря оплакивается всеми, кто рядом. Неужели настанет час и последнего человека на Земле? И кто оплачет нас? Разве только Бог, как своих, так и незадавшихся детей. Не забывать бы, что живущие сейчас – всегда последние люди на Земле.

Истина не рождается в споре. И в вине её не найдёшь.

Был сад, в нём одиноко жили Адам и Ева. Но одиночество не для Земли, одной из скромных планет в нескончаемом океане Космоса. В итоге Эдем раздробился на бесчисленное количество осколков. Всё остальное пространство лишь переходы от одного сада к другому. По этому пространству бредут ещё не достигшие своего земного рая люди.

Цветы могут вырасти и на мусоре. Но лучше они всё-таки растут на хорошо удобренной земле. Оказывается, у цветущего ириса роскошный запах – густой, медовый. Вот тебе и «садовые цветы не пахнут!» Ещё как пахнут – изысканно, разнообразно.

Наступишь случайно на теленовости: убили, украли, изнасиловали, разбился, повесился, развёлся.… И никто не прожил день счастливо? Неужели?

Сверху деревья выглядят травой, общим с ней зелёным покрывалом Земли. Один знакомый выпускает интернет-альманах в Канаде, другой разводит на речном острове новые сорта винограда, третий охотится в лесах Эстонии, четвёртый ремонтирует обувь в Пятигорске, пятый рыбачит

недалеко от меня на Волге…. Что такое жизнь человеческая? Обычная жизнь нескольких сотен известных и миллиардов неизвестных нам людей.

Самый огромный и заковыристый опыт не перекроет самый скромный, но другой. Поэтому неприятно, когда толпа тебе кого-то навязывает. Хотя бы и Высоцкого.

Верующие боятся своих богов. А я сторонюсь лихих людей. Зло приходит только от них. Слишком многие на Земле стремятся перетянуть других на свою сторону. Попробуй, удержись на собственных ногах. Но ведь навязывание своих идей тоже насилие. А насилие – мать всех земных грехов.

Любая война калечит души. Ведь человек привыкает убивать. Один раз убил, второй – и безнаказанно, более того, тебя поощряют – можешь убить сколько угодно. Убийство губит душу, будь ты хоть трижды верующим.

Собирая под уэлси падалицу, нечаянно вспугнул трясогузку, которая охотилась рядом под бордовой плетистой розой. Птичка-невеличка взлетела на ветку яблони прямо надо мной и горячо, быстро высказалась по моему поводу. В это же время изящная жёлтая иволга, возмущённо попискивая, гнала из дубов, очевидно, от гнезда, огромную ворону.

Кстати, в образе трясогузки древнеегипетские художники представляли человеческую душу.

Умер Нил Армстронг, сказавший, что люди не прикованы к Земле.

Знакомая немолодая пара бизнесменов перебирается в небольшую европейскую страну с уже устоявшейся новейшей российской диаспорой. А как же дым Отчества? Любовь к отеческим гробам? Язык не поворачивается обвинить их в отсутствии патриотизма. Люди работящие, предприимчивые, ответственные, с уважением относятся к своим донским корням, православной вере. Опора общества, совсем не космополиты.

Мои знакомцы уезжают не за лучшей долей. Они сумели сколотить достаточное для безбедной жизни в любой стране состояние наперекор всем российским препонам. Но устали от постоянной, бессмысленной и небезопасной борьбы с этими препонами. И уезжают спокойно доживать.

Верующий и неверующий смотрят друг на друга с одинаковым сожалением. Однажды я искал Бога в церкви. Но нашёл там одних служителей. А Бога обрёл в душе. Он помогает мне постигать гармонию всего сущего. И не даёт спокойно жить. Не прощает грехов. И ничего не обещает.

Неужели нельзя обойтись и без либеральной разнузданности, и без поповского присутствия в каждом вдохе-выдохе?

Небо расчистилось, всюду звёзды. И между ними – мигающий фонарь самолёта. Небо в звёздах – не самая ли надёжная и роскошная крыша над головой человека? И что может быть хуже неурочного ночного телефонного звонка? Прежде, чем возьмёшь трубку, в аду побываешь.

С вечера и ночью грохотало, блистало, иногда сыпало дождём. В мансарде с окном во всю стену и открытой дверью на Волгу, над которой природа и устроила свой фейерверк, всё это действо воспринималось

театрально, подчёркнуто, с некоторым, вместе с тем, подспудным страхом: «А вдруг залетит шаровая молния, и что тогда делать?»

Надо признаться, что в саду отрешиться от суеты так же непросто, как и в городе. Чужая жизнь легко вторгается и за садовый забор, пробивая зелёные завесы со всех сторон. И всё-таки удаётся окунуться в садовое безмятежье с головой! Не часто. Ведь любая роскошь не ежедневный хлеб, а праздничный домашний пирог.

За сад! За жизнь! За жизнь в саду!

Барахтаться в грязной луже и остаться чистым невозможно. Но барахтаться можно с наслаждением. Можно с досадой, мстительно разбрызгивая едкую грязь на других, брезгливо проходящих мимо. А можно и с отвращением к грязи, стремясь быстрее выбраться из липкой жижи, чтобы хоть что-то оставить незапачканным. В первую очередь, конечно, душу, слава Богу, глубоко запрятанную в нас. А выбравшись из мерзких объятий, можно очистить от грязи и тело.

Не отрываясь, смотрел по телевизору историческую реконструкцию судьбы Одиссея, своего рода «документальный» фильм. Страстное стремление героя домой, к семье, счастливой осмысленной жизни потрясло душу. И укрепило её как мало что другое.

– Опять цапля стоит на краю обрыва! – воскликнул Ванюшка.

Он о ней и неделю назад рассказывал, удивляясь поведению прибрежной птицы. Но тут «цапля», крякнув, взлетела, оказавшись вороной и вызвав смех.

– Она на палке сидела, как будто стояла на ноге, – подытожил Ванюшка.

Вышел на лоджию. У соседей грелась на солнышке всеобщая любимица Аська. Заметив меня, удивилась, и глядела, не отрываясь, пока не ушёл.

Вид недостроенных и заброшенных дач вызывает печаль.

Когда зимой пробивался к саду по глубокому снегу, оступаясь и проваливаясь выше колен, вспоминал разговор приятельницы со знакомым садоводом, на животе по снегу добравшемся до своей дачи:

– И тебе это надо?

– Надо, Люда, надо!

Жажду можно утолить и водой. Но аромат чая, его вкус, терпкость водой не заменишь.

Упрекают человека в том, что он витает в облаках, забывая о мелочах, а в них-то, мол, и жизнь. Но разве только в них? По словам Леонардо да Винчи, мы живём в комфортной световоздушной среде. Часто мы счастливы, не догадываясь об этом. Бывает, что так и остаёмся в неведении. Что это меняет? Ничего. Мы были счастливы, и это пережитое состояние осталось с нами.

Нередко люди расходуют весь свой пыл на то, чтобы оправдать очевидную для других глупость. Правда хороша как процесс. Как итог она, скорее всего, ужасна.

Чуть свет разбудила всё та же кукушка, которая здесь, видно, вместо будильника. Вслед за «ку-ку» раздалось первое попискивание, чириканье и даже флейта иволги выдала пару нот. Кукушка, между тем, летала по окрестностям, голос её становился то глуше, то вновь возвращался с прежним деловым и отчётливым «ку-ку». Кстати, уже и рассвело. Птичьи голоса становятся всё живее.

Молодые нежно-зелёные прозрачные малинники взывают к миру.

Один мудрый человек заметил, что есть три бесспорных чуда – цветы, звёзды и глаза детей.

Читаю Бунина о жизни, любви, смерти и плачу. И не я же один.

По преданиям, Жанна Д,Арк говорила, что солдаты должны сражаться, а победу дарует Бог. Но с кем сражаться нам? И на какую победу надеяться? Хотелось бы просто прожить долго и счастливо. Возможно ли это? Если внушить людям, что через пару сотен лет на Земле не останется ни деревьев, ни птиц, ни их, людей, потомков, то они начнут вымирать прямо сейчас.

Внук Тимошка – человечек, готовящийся к пробуждению своего сознания. Ему ещё не хватает слов, он это знает и сокрушённо разводит руками. Вот он собрался домой, попрощавшись с нами. Лицо его становится серьёзным, взгляд устремляется куда-то вдаль. О чём он думает в эти минуты? Какими словами, образами? Так хочется понять его мысли. Ведь полным ходом идёт рождение личности, души, духа. Господи, прямо на наших глазах зарождается целый мир. Сам Тима ещё не в состоянии осознать этого таинственного процесса. И нам, самым родным и любящим его людям, он неподвластен.

Уже с утра установилась знойная, сразу за 30 градусов, погода. Но вдруг поднялся ветер. Повеяло другой, бодрой жизнью. Душа повеселела.

Опять гостил дикий голубь. Взлетел на ветку дуба. Какой же красавец!

На нижней бетонной ступени схода греется серая ящерица. Обычно они отбегают в сторону. Но эта только что отобедала, с раздутыми боками, ей тяжело бегать. Немного поёрзала на месте, поглядывая на меня, решила остаться.

После «последнего веника» накинул банное полотенце на бёдра и вышел в малинник – под солнце, свежий ветерок, птичий щебет.

Прошлого и будущего, утверждается, для нас нет. Есть только слова по их поводу, которые каждый волен подбирать, как ему заблагорассудится. А настоящее? Оно неуловимо и оставляет после себя лишь осадок от исчезающих на глазах ощущений.

И оптимиста можно загнать в угол, и пессимиста вытащить под лучи солнца.

Ничего нового нет под луной. И даже сам этот вывод Экклезиаста – когда он был нов? Никто не скажет. Всё, что люди пишут и говорят, является повторением, по сути, плагиатом. Чего же обижаться, когда за него не платят?

Хотя у книг, в отличие от фольклора, не бедняцкие корни. Они печатаются, когда достаточно пушек, хлеба, работают суды. Книги

используют в своих войнах враждующие кланы. Но сами по себе они не сотрясают основ и служат, в основном, для развлечения.

Говорят ещё, что путешествия развивают ум. Но вот, например, вороны, в отличие от большинства птиц, вообще никуда не улетают со своих дворов, однако, слывут мудрыми. Правда, птицы не люди, с этим не поспоришь.

Жизнь сада – это жизнь потаённая, скрывающаяся от постороннего взгляда. Жизнь эта динамичная, даже по-своему кипучая, но не на публику. Она первобытно заострена на продолжении своего рода. Не надо только ей мешать. И она отблагодарит красотой, плодами, тенью.

Мой сад населяют в основном древнейшие обитатели Земли. Изредка забежит Аська, собака уличная заскочит, ёжик протопает. Вот, собственно, и все млекопитающие, не считая нас, высших приматов. Кто же здесь хозяйничает? В земле расположились муравьи разных племён. По закоулкам рассредоточились маленькие динозаврики – ящерицы. В воздухе господствуют пернатые динозавры, которых мы называем птицами. И, конечно, насекомые разных видов. Они неустанно летают, ползают, прыгают, жужжат, сверчат, раскидывают сети.

Все стараются приспособиться к переменам погоды и другим обстоятельствам. Срублю я, допустим, худородный джонатан, что напротив гнезда трясогузок – придётся им за гусеницами чаще летать на другие яблони. В моём саду нет пресловутой борьбы за жизнь. Не едят сильнейшие слабейших. Каждый ест то, что ему предначертано, что он сможет переварить, чтобы извлечь энергию роста. Очевидно, что преимущество в занятии лучших норок у более сильных, вёртких ящериц. Но разве это не справедливо?

А самым древним жителем моего сада является камень-песчаник. Он сформировался в девонском периоде, значит, ему где-то под 400 миллионов лет. Даже неловко ходить рядом с ним.

Под утро опять пронзила мысль о смерти. Мы изо всех сил стремимся отстраниться от неё. Или выдумываем всё, что угодно, чтобы смириться с ней – от погребальных камер в пирамидах до Рая небесного. Выстраиваем красивые теории о продолжении себя в потомстве. Или беззаботно и обречённо бредём к ней. Некоторые не выдерживают напряжения пронизанной смертью жизни и сами бросаются в последние объятия. А как бы хорошо умереть, подобно Наталье Савишне, героине «Детства» Л. Толстого: «Она совершила лучшее и величайшее дело в этой жизни – умерла без сожаления и страха». Похоже как раз на литературную ложь, что призвана помочь вынести правду жизни. Не помогает.

Никто не знает, когда он умрёт. Но, некоторые, возможно, догадываются. И живут с этим. Увы, мы стареем, и стареем безвозвратно. Между тем люди преклонных лет склонны говорить о своих годах весело, подшучивая, будто их ждёт не скорая смерть, а нечто обыденное, не стоящее серьёзного отношения. Это утешает.

Пришло время убрать старый синап. А на душе неуютно, совестно. Сколько зим наслаждался его плодами. Но яблоню не отправишь на покой, как боевого коня или заслуженного сторожевого пса. Рядом разрастается молодая яблоня, и она требует своего.

Под шум ливня, бьющего по крыше, можно только его и слушать. Ну, ещё смотреть на стремящиеся к земле дождевые нити. И то, и другое стоит того, чтобы слушать и смотреть.

На Земле много холмов, облюбованных и животными, и людьми за расширяющиеся с них горизонты и приют. Если все холмы слить в один, то он затмит, может быть, и самые высокие горные гряды.

В обед мимо дачных ворот прошла на пляж живописная группа с пиками из камыша. Малышка-дошкольница, бравая бабка и мужчина, заплетающий на ходу косичку на голове. Шли мерно, спокойно, только малышка в нетерпении скакала и спрашивала, где же Волга?

За баней в малиннике наткнулся на большого ежа. Он меня, видно, тоже не ожидал. Просто сидел и терпел, пока я его пару раз погладил по иголкам.

Что за шум на беседке? Два воробья деловито, настойчиво перетягивают друг у друга большую зелёную гусеницу. А третий прыгает сбоку, и молча, тоже деловито посматривает. Кстати, птицы, как и люди, сеют семена, и питаются созревшими плодами.

Первые завязи на грецком орехе! Всего можно дождаться.

Не так-то просто набрести на царапающую сознание и душу книгу. Но вот читаю Баруху Спинозу о врождённом стремлении людей к гармонии и желанной для каждого разумного человека свободе самовыражения. Как и в прежние времена для целостного постижения мира нужны титаны-энциклопедисты. Возможны ли они сегодня, это уже другой вопрос.

Пустота жизни всегда рядом, но это ещё полбеды. Беда в том, что никто её, кроме нас самих, не заполнит. А захватить, как пустующую землю, смогут многие.

Всё больше вникаю в жизнь сада, каждого его жителя. Подхожу, смотрю, стараюсь понять, запомнить. Сад не будет бегать за мной, ведь хлеб за животом не ходит. Вот какая-то залётная пичужка с завидным аппетитом лакомится семенами укропа, ловко устроившись, слегка покачиваясь, на самом растении. Посреди земляники сидит Аська. Выразительно смотрит на меня. Подошёл. Она тут же разлеглась, вытянув шею, которую я стал поглаживать, и заурчала с таким удовольствием, наслаждением. Вот оно, кошкино счастье.

– Что делаешь?

– Живу. Просто живу. Ничего никому не задолжав. Выращиваю овощи, фрукты и виноград. Из винограда делаю вино. А зимой пишу свои маленькие эссе. Есть, оказывается, и такой образ жизни.

День и ночь слышен стук падающего мальта. А наша мелба своей стройностью, яркими плодами продолжает вызывать восхищение прохожих. Подслушал разговор двух дачниц: «Такая красивая яблоня. Куда там

Матиссу. Специально вернулись с фотоаппаратом, чтобы её сфотографировать». В осенних планах было укоротить ей ветви, но решил оставить. Пусть красуется, людей радует.

Копать яму лучше одному. Копаешь и копаешь. Размышляешь потихоньку обо всём, что в голову придёт. Никто не мешает. Ни копать. Ни размышлять.

Примета времени. Встречаясь, все спрашивают друг друга: «Куда же мы катимся»? Зачем люди вершат очевидное зло? Ради выгоды? Не могут иначе? По стечению обстоятельств? Но зачем так истово и до последнего вздоха? Считают своё зло добром? Понять природу зла труднее, чем природу добра. Или это так кажется? Ведь миром движет и добро, и зло. И зло должно быть. Но, как сказано, горе тому человеку, через которого зло придёт в мир.

Некоторые политологи утверждают, что стремление к повелеванию, рождающее власть, является едва ли не первородным инстинктом. И даже, если предположить, что внезапно исчезнут все скрепляющие людей властные структуры, власть останется в лице желающих повелевать. И они начнут новый поход за обладание чужими карманами и душами их владельцев. Иными словами, начнут вновь искать шеи для своих хомутов. И найдут.

Но всякая власть, чтобы уцелеть и стать могущественнее, вынуждена заниматься благоустройством подвластного ей народа. Поэтому бесполезно свергать её во что бы то ни стало. Свергнув одну, получим другую, ещё более изощрённую. Нам ли этого не знать? С властью надо не бороться до «победного» конца, а постоянно подталкивать к большей заботе о простых людях.

Не следует нарушать заповеди. Не следует и подстрекать к их нарушению. Кричи не кричи, что, мол, не я – он убил, а я всего лишь разозлил его на врага своего. Равновеликий грех.

Мимо по берегу бежали два крепких рыжих кобелька. Один из них подошёл ко мне, доверчиво лизнул в колено.

Как произошёл человек? Естественным путём, божественным, ещё каким-нибудь.… Когда я думаю о Тонино Гуэрра, мне это всё равно. Он произошёл от добрых, талантливых людей. И родил многих таких же хороших людей. Вот он умер, и не к кому обратить мятущуюся душу.

У человека много магнитов, но самый главный, как ни крути, это его ум. Он настолько привлекателен, что забываешь, кому он принадлежит – доброму или злому человеку, красивому или с обычной внешностью, мужчине или женщине.

А вот с менталитетом не управиться одним желанием. Если только переродиться. Я не верю в церковных богов, вообще не верю в то, что не имеет понятных для меня корней. Но, случись перекреститься, сделаю это справа налево. Не задумываясь.

С ночи идёт потоп. Правда, мелкий, но если будет идти ещё 39 дней и ночей, то результат будет тот же. Всё надоедает, но особенно ночь и день тянущийся дождик в саду. Надену плащ, возьму зонт, и всё равно погуляю по саду.

Нашёл себе милое занятие: сижу в предбаннике у печки, подкладываю дрова и жду, когда они прогорят. А вот и дождь перестал. Небо просветлело. Тучи разошлись на отдельные пятна.

Английский художественный гений Уильям Блейк, как пишут его исследователи, жил в мире, в котором всё было окрашено чувством возвышенного, страдая от столкновений с повседневностью. Для него воображение было «реальным и вечным миром, в сравнении с которым цветущая Вселенная – всего лишь слабая тень».

Всё возможно, господа, и никогда не поздно, если делаешь, что должно. Немудрёный вывод. Как и вся наша, в общем-то, жизнь.

О, мой сад, ты уже за холмом!

Запах чернослива

Господи, какая же это роскошь – душистое, терпкое домашнее сухое красное вино! Подобно благородному скакуну, оно требует бережного ухода. Например, его следует по мере необходимости сливать с осадка.

Каждый раз сомневаешься, может, подождать? Середина ноября. Вину почти два месяца. Осадок есть, но до критической отметки ещё не дошёл. В рыхлое, на вид маслянистое образование на дне сосуда выпадает всё плохое, что содержится в зреющем вине. И как всё плохое в нашей жизни, оно не успокоится, будет исподволь отравлять божественный нектар, пока не превратит его в уксус. Так что, чем его меньше, тем лучше. И поэтому солью с осадка вино без колебаний!

Осторожно, чтобы не потревожить, поднимаю две десятилитровые бутыли с вином урожая этого года из дачного погреба на кухню. Водружаю по одной на табурет, возле которого стоит таз с пустой бутылью. Таз для того, чтобы пол, если что, не залить, ну, и чтобы добро в таком случае не пропало. Налаживаю нехитрый процесс переливания, немножко хлебнув, не без этого.

Когда сидишь на корточках и смотришь, как тоненькой струйкой стекает по прозрачной трубке чистое вино, невольно начинаешь заниматься главным человеческим делом – размышлять. И те несколько глотков, которые уже понеслись к твоему сердцу, веселя и очищая кровь, только добавляют этому неповторимому процессу оборотов.

Можно наворовать денег, купить прекрасный дом на берегу уединённого озера. Только вот умения насладиться этим сокровищем не своруешь. Так и вино приличное не изготовишь, если не вложишь в него душу, не будешь сопереживать таинственному процессу превращения виноградного сока в произведение искусства.

Моё молодое вино имеет ярко выраженный вкус и запах чернослива. Он уже даёт о себе знать, потихоньку заполняя воздух. Через год-другой букет станет настолько сложным, что без профессиональной дегустации не разберёшься. Это водка состоит из спирта, воды и желания выпить эту

безвкусную смесь. А вино – из душевного подъёма, тонких ощущений и радостных предчувствий. Доброе вино украсит любой пир, где не злословят, не напиваются, а наслаждаются жизнью.

Между тем очищенное вино потихоньку перелилось в новую бутыль. Добавляю немного, чтобы было всклень. Это очень важно, поскольку изысканная структура напитка не терпит соприкосновения с грубой воздушной средой. Плотно закручиваю крышку. В конце марта ещё раз солью с осадка.

Время для созревания и время для наслаждения.

Красота в сочетании с умом поражает в самое сердце. Изысканное вино веселит его, не даёт ему черстветь. Оно дарит улыбку. На лице человека появляется солнце и освещает, приукрашивая, все его черты и даже внутренние достоинства. Как и любовь, вино дарит радость и грусть. В этом его очарование, поскольку людям нравится и то, и другое.

Вино можно и не сливать раз за разом с осадка. Промышленные фильтры, применяемые на винных заводах, умельцы приспосабливают и к домашним условиям, избегая тем самым лишних хлопот. Но тогда вино остановится в своём развитии, не раскроет своего потенциала, не достигнет совершенства – богатства цвета, аромата и вкуса.

А разве не в этом цель земной нашей жизни?

Любовь цветов передаётся через расстояние с помощью насекомых или ветра. От этого она не менее эмоциональна и желаема. Также и вино, когда к нему относятся с пониманием, дарит новые оттенки радостного ощущения жизни.

Один из родоначальников модернизма воскликнул: «Если художник сказал, что это искусство, значит, это искусство!» В наше время уже любой может крикнуть, что если он сказал, что это песня, значит, это песня. Ведь никто никому не указ. А вот «я сказал, что это вино, значит, это вино» не пройдёт. Искусство завораживает, склонно к обману. Вино никого не вводит в заблуждение и говорит только правду.

Можно игнорировать восход солнца. Нет его, не вижу! Но солнце всё равно взойдёт. Стремление к гармонии похоже на стрелку компаса – также помогает держать верное направление. Без него человек мечется из стороны в сторону, пускается во все тяжкие, грешит и умирает, не вкусив подлинных радостей жизни.

Вот уже и вторая бутыль наполнена и спущена в погреб. Люк закрыт. На дачной кухне ещё витает слабый запах чернослива.

Вкус одиночества

Жительница садов! Товарищи внимают голосу твоему,
дай и мне послушать его.

Из книги Песни песней Соломона

После на редкость морозной зимы сад выглядел печально – листья проклёвывались с трудом.

Посчитали с женой, что лаконос погиб. Торжественный, нарядный многолетник, цветущий белыми «свечами». Ни у кого в округе нет. Но разгрёб холмик и увидел тянущийся к свету розово-белый росток.

Мелкоплодная слива теряла каждый год по ветке. Наконец, осталась одна. Закат жизни любого существа печален.

Но все жители сада постепенно вошли в привычный ритм жизни, и лето наступило в свой черёд.

Перед обедом ветер понёс на сад пыль и сухие листья из дубовой грядки. В доме потемнело. Стало вдруг холодно. Вертикальная молния сверкнула из-за дубов прямо в меня, стоящего на лоджии, и я спустился вниз. Прошёл сокрушительный звук грома! Яблони затрепетали. Начавшийся дождь хлещет всё быстрее. Ветер усиливается. Наконец гром стал реже, зато бьёт как из пушки. Дождь внезапно закончился. Ветра нет. Сад спокоен.

Над Волгой показались голубые небесные полыньи. Воздушные массы успокаиваются, воздух свеж, но уже не холоден.

Бродил по саду, душа всё больше проникалась покоем летнего отдыха. Где-то шумит городская жизнь, а я здесь, в затерянном райском осколочке, вхожу во вкус одиночества.

Вновь пошли тучки, загородили солнце, комарики оживились. Но солнце выглянуло, и всё засверкало. В обед лишь пару раз прогремело-простучало. Ветерок и дальше дул – упругий, свежий. Вечером опять громыхнуло, даже сверкнуло, ветер сильный промчался. И всё. Природа поприветствовала нас. Сад выглядит нарядно, богато, вернее, щедро.

Слегка терпкий, душистый, ярко-коричневый молодой мёд!

Молодой месяц с каждым вечером крепнет и поднимается всё выше в пролёте беседки.

Мой сад и в дождь радует. Бетонные дорожки, где надо, густая трава, можно бродить под зонтом, сколько хочешь. Заглянувшему приятелю особенно понравился «нижний» сад. Здесь укромно, дубы, трава, скамейки, мангал. Мне и самому скорее хочется к кострищу.

Чем хорош для меня сад? В нём я дышу чистым воздухом, пью родниковую воду, ем только что сорванные овощи и фрукты, хожу в удобной одежде, живу в доме, стоящем на земле. Здесь с удовольствием собирается вся моя семья. Отсюда видна окрестная земля, рукой подать до лесов, полей и Волги, всюду можно наблюдать за птицами, насекомыми. В саду я ухаживаю за растениями, любуюсь небом, звёздами и Луной. Здесь зарождаются лучшие мысли и чувства.

Широта и смелость воображения важны не только для творческих людей, но и для садовников. Мы все живём на виду у Космоса.

"Разве не в шуме бамбука путь к просветлению? Разве не в цветении сакуры озарение души?" – риторически спрашивал дзэнский мастер Догэн, живший в первой половине 13 века.

Сидели с заехавшим проведать меня сыном на крыльце – пили чай, беседовали о жизни, а заодно слушали птичек и наблюдали за ними.

Перед этим шутили с соседом Петром Ивановичем, мол, загородить бы дубовую грядку, запустить туда белок, другую живность – пусть будет маленький, семейный, национальный парк. Белки, кстати, здесь и так бегают, а Пётр Иванович утверждает, что зимой по деревьям шныряли чуть не горностаи.

Сорвал первые четыре огурца. Пошли уже и базилик, и лук. Передо мной душистый чай, кусок лаваша и большая тарелка с тёмно-бордовой клубникой.

Первый день короткого отпуска так неожиданно длинен. Уже столько сделано, и отдых, и обед позади, а впереди ещё вечер. Тепло, солнечно, тихо.

Горячий вечерний душ в прохладной бане как бальзам на душу.

Весь следующий день ветер гулял сам по себе и нагнал не туч, а холода. Холодный ветер тут же выдул купание в Волге, обеденное пекло, тёплый послеобеденный сон, хождение в одних шортах, долгие чаи и вечерний костёр.

Разросшийся лилейник в палисаднике привлекает внимание прохожих. А до этого он рос неприметным кустом под яблоней.

Последняя клубника под мальтом – маленькая, душистая, сладкая. Хорошо мимоходом сорвать спелую горячую малину и в рот положить.

Прошёл-таки дождь. Настоящий, с порывами, но не долгий. Освежил зелень, прочистил воздух, прибил пыль. Установился смешанный климат – ночью-утром холодно, а днём и солнцем припечёт, и ветерком свежим протянет.

Вчера вечером любовался торжественным пролётом жука-оленя над мелбой. Сегодня наткнулся на красавца-самца, ползущего под синапом у сельдерея. Этот ещё только выбрался из земли, разминаясь для взлёта.

И опять утро выдалось серенькое. Но уныние надо упорно гнать. Выйти в сад. Пообщаться с животными, деревьями, цветами. И тогда вновь заметишь, как радостно блестит на солнце мокрая трава.

Какая-то птица резко, необычно кричала. Неспокойная душа не даёт хозяину безмятежно наслаждаться достигнутым.

Объявились новые соседи слева. Не было, не было и вдруг целый табор. Шумные, но, кажется, простые.

До обеда пахал за баней в буквальном смысле слова, только лопатой. Вскопал, заборонил, засеял газонной травкой всю полосу, дающую в обилии одуванчиков и несуразную высокую траву. Теперь очередь за дождём и солнцем.

Ещё не поздно, а сон уже дует на глаза. Тело потянуло к покою. Надо отдохнуть, переждать, дождаться нового прилива энергии. Жизнь надо вкушать, наслаждаясь самим процессом, отпивать по глоточку, медленно вдыхая её чудесный аромат.

Дождик ближе к вечеру несколько раз начинался, и ветер пришпоривал. Но вот проглянуло заходящее солнце со стороны

полузаброшенной дачи на краю обрыва – всем своим ярким круглым диском. По небу пошли появляться голубые лагуны. Сад вновь преобразился.

Домик, луна, хризантемы и небольшой виноградник. Вдали от городской суеты, в уединённом месте меня окружают цветы, птицы, насекомые, ветер, дожди, солнце – все звуки и запахи живого мира.

Когда уезжаешь из сада, то душа щемит. Как же было невыносимо тяжело покидать райские кущи Адаму с Евой. Но жизнь слишком коротка, чтобы горевать.

Мамины пироги

Кто пробовал пироги моей мамы, тот на всю жизнь запомнил вкус тающего во рту хорошо пропеченного сдобного теста и всегда ароматной, в меру сочной начинки.

Казалось бы, не так и трудно испечь пирог. Рецептов хватает в любой кулинарной книге. Составные части, как правило, немудрёные. У мамы это были молоко, сахар, яйца, маргарин, растительное масло, дрожжи, соль, столовая ложка спирта, ваниль на кончике ножа и мука. А начинка сгодится любая.

Вперёд, хозяюшки!

Только вначале, по совету моей мамы, не забудьте вынуть на ночь из холодильника яйца и маргарин. И дрожжи проверьте на солоноватость. И тесто замесите не крутое, а мягкое, чтобы отставало от руки. И дырочку сделайте в центре, когда пирог ещё подходит на противне. А когда вытащите его из духовки, не забудьте накрыть чем-нибудь лёгким.

И ещё с десяток мелочей не забыть бы.

Но даже самое строгое следование рецепту не гарантирует удачи. И приготовленный опытным профессиональным кулинаром пирог не всегда становится украшением стола.

Мама рассказывала, что первые свои пироги она, не дожидаясь прихода со службы отца, выбросила в мусорную корзину. Но моя мама училась искусству выпечки, не жалея сил. Ей нравился сам процесс затевания пирогов. И очень хотелось порадовать близких людей.

Запомнилось её всегдашнее волнение, ведь любая мелочь могла свести на нет весь труд, начиная с бессонной ночи, поскольку приходилось вставать затемно, чтобы не упустить подходящее тесто. Она всегда оправдывалась перед гостями, мол, тесто не таким пышным оказалось, начинка немного подвела, надо было – вот не догадалась! – сделать по-другому, лучше.

Гости не очень-то прислушивались к этим сетованиям. Они просто наслаждались редким угощением.

Мы переезжали с места на место, следуя офицерской судьбе отца, менялись наши домашние очаги, но румяные мамины пироги по-прежнему оставались самым желанным лакомством. Они были для нас маленьким семейным чудом, живой сказкой. Как бы ни шли дела, душа согревалась от

ожидания очередных праздничных пирогов. Хорошо бы с курагой! Но и с яблоками хорошо, и с капустой…

Мама постарела, пироги затевать ей уже не под силу. Сменщиков, увы, не оказалось. Мы с женой попробовали пару раз и забросили – образ жизни у нас иной, всё что-нибудь мешает.

Жаль.

Другой жизни не будет

Пойдём, пойдём, моя радость,
пойдём с тобой по нашему саду,
поглядим, что сделалось на свете!

Ольга Седакова

Соседом в автобусе оказался страстный рыбак преклонных лет – из тех, кто сам пойманную рыбу не ест, а раздаёт родне, знакомым, а то и случайным прохожим. Старые дачники ждут, когда в садах дадут свет. Где-то в апреле они заезжают и уезжают, когда свет отключают, то есть в начале ноября. Мирные старички, вместе с птицами коротающие время до весны.

В зимнем саду тихо, никого из соседей и птиц. Растения дремлют под нежно-белым, искрящимся от солнечных лучей толстым пушистым покрывалом.

Вокруг меня струится воздух нового года. Впервые мне так жаль года ушедшего, хотя он принёс с собой немало проблем. Но я к нему привык, очень ждал его, много размышлял, пока он разворачивался своим чередом.

Побывал у Тимофея накануне его третьего месяца жизни. Он лежал на столике в ванной комнате перед купанием. И поймал меня – ещё незнакомого ему – взглядом. У него зрачки съехали в бок и застыли, разглядывая. Он смотрел на меня молча, упорно, как-то уже и не по-детски. Спокойно буровил меня. Весь его маленький, ещё несовершенный организм сосредоточился на впитывании новых важных знаний.

Иногда как-то особенно остро, обнажённо, понимаешь, что уже не будет другой жизни.

По дороге в сад услышал курлыканье. Поднял голову, а в небе надо мной сразу три журавлиных треугольника, слегка размытых. Большие птицы летели устало и деловито. Изредка перекликаясь.

Хотя земля местами мёрзлая, цветы лезут к солнцу. И не только ранние крокусы и тюльпаны, но и хризантемы, ромашки, ирисы и другие показывают почки, листья. На плетистой розе уже набухли ярко-красные почки.

Трясогузки хозяйничают в саду в одиночестве.

Чистый, прибранный сад похож на аккуратно одетого человека.

Суть человеческих устремлений, как известно, неизменна. Выжить, продолжить род, расширить сферу знаний и деятельности, восхититься

миром, насытившись отпущенной судьбой жизнью, и уйти из неё оплаканным домочадцами. Каждый чего-то понявший в жизни человек сам себе экклезиаст.

Старый пион первым показал розовые ростки. Один саженец базилика оказался слабеньким, при посадке наклонился. Но на следующий день уже стоял бодро, уцепился за жизнь. Расцвёл уличный абрикос, утерев нос домашним, ухоженным.

За садовыми воротами резвятся соседские ребятишки, сколотившись в группу примерно одного возраста. Но, как и в моём детстве, тут же нашлась девчонка постарше, которая принялась ими командовать.

Праздничное время хочется провести в кругу семьи. Самые близкие люди собираются вместе, все живы и здоровы – что может быть чудеснее этого?

Приманивая самку, скворец щёлкает, пищит, клювом стучит и крыльями хлопает. Дом у него есть, сам он энергичен, хлопотлив. Но семья почему-то не складывается.

Соседская красавица-кошка Аська охотится за моими трясогузками, лёжа в малине. Но они птички взрослые, врасплох себя застать не дают.

Приятель примчался весной на дачу и с ходу принялся ёмкость чинить, мусор выносить, зелень сажать... К вечеру приехала соседка, спрашивает: «Как у вас абрикос-то, цветёт?» Бедный мой приятель чуть в грядку не упал. Впервые за день поднял глаза, а над ним синее небо, цветущий абрикос, птичий щебет.

«Пресыщенный жизнью...» Но нельзя же пресытиться жизнью, просиживая с утра до вечера за компьютером? Или можно?

Дикий виноград цветёт, как и растёт, очень дружно. Конечно, мелко завязывается, но цветущие кисти покрывают всю солнечную поверхность кустов. Пахнут просто, первобытно.

Абрикосы в садах пышут белым жаром.

Взглянул на толпу
И стало мне скучно.
Её не увидел.

Друг мой, есть охотники, азартные люди, а есть убийцы животных. Охотники уважают свои жертвы, гордятся ими. Убийцы к ним равнодушны. Невольное наблюдение за уходом из жизни любого садового существа сотрясает не меньше, чем драмы Шекспира.

Прекрасна жизнь или нет? Сравнить не с чем. И всё-таки хочется счастья взахлёб. Сами мысли о смерти несовместимы с жизнью. Может, поэтому они так будоражат нас, доводя до душевной тоски.

Приезжал Тима. Грыз огурец, плевался им и тут же призывал навести чистоту. Рвался играть к соседским ребятишкам и даже помогал им собирать палочки для «супа». Потом стал рваться к Аське, стараясь наступить ей на хвост. Орал, не желая одеваться и уезжать. Но потом успокоился и, сидя в автокресле, помахал ручкой. Утомился, и дорогой, скорее всего, уснёт.

Что значит передача опыта? У тёщи-огородницы была толстая книга по садоводству, в которую она всю жизнь вставляла всякие вырезки и записи. Осталась от неё и коробка с семенами в холщовых мешочках. Какое-то время я всем этим богатством пользовался. Потом своих вырезок набралось на целую книгу. И семена давно уже другие. Так перешёл её опыт ко мне? Уже мои размышления говорят в пользу этого. Все навыки первых земледельцев давно забыты за ненужностью. Осталось общее, оно же и главное: земля, семена, вода и трудолюбивые руки человека, его честное отношение к святому делу.

Пока ещё люди связаны одной сущностной цепью. Понимаем же мы Адама, его жену и детей, и они признали бы нас. На Земле живёт семь миллиардов людей, желающих одного: чтобы мне, моей семье было хорошо.

Говорят, что терпение лежит в основе глубокого ума и героизма. Неужели?

Трудится, как пчёлка. Какое точное сравнение для большинства моих соотечественников. Ведь плодами их трудов пользуется кто-то другой, оставляя им лишь на пропитание.

Отнимая у других хлеб, мы съедаем вместе с ним часть своей души.

Разбираясь возле дуба с листьями и навозом, откопал самку жука-оленя. Всю блестящую, чистенькую. Но ей ещё рано показываться на свет Божий. Опять закопал в навозную труху. Походил немного с посохом по саду, наблюдая за растущим месяцем на чистом вечернем небе.

Ночью с дубов посыпались дождём гусеницы. Утром прилетела стайка скворцов на роскошный завтрак прямо на земле. Потом один скворец, очевидно, наш, взлетел к скворечнику, заглянул в него. В это время скворчат ставят на крыло, семья прощается со скворечником. У нашего скворца семья не сложилась, но с домом он всё-таки попрощался.

Несмотря на жёсткую переменчивую погоду с дождём и ветром, с наступлением сумерек овраг заполнился ликующими соловьиными трелями.

На моих глазах трясогузка схватила упавшую на бетонную площадку зелёную гусеницу и с ловкостью фокусника, слегка подкинув её, тут же проглотила, несколько раз «пожевав» клювиком.

Протягивает свежий ветерок. Воздух наполнен птичьими голосами. Отдалённый собачий брех. Далёкие голоса дачников. Иногда доносится режущий звук электропилы, напоминая, что я всё-таки не в раю.

Сад рождает в душе покой, укрепляя надежду на лучшее. Стоит только прислушаться к нему, вглядеться в его потаённую жизнь.

Потихоньку зацвели розовые пионы, очевидно, в честь дня защиты детей. Пионы похожи на розы, но без шипов, беззащитные.

Вначале мы набиваем себе шишки, приобретая жизненный опыт. Потом он работает на нас, избавляя от новых шишек. Но радости особой от этого не испытываешь.

Человек не глупый, не злой – вполне достаточно для случайно проросшего человеческого семени.

Бодрошумящая Волга. С высокого обрыва все острова как на ладони. Их много – целый архипелаг. На пляже появились три железных бочки, зато исчезли пакеты и пластиковые бутылки. Ура!

Возле ворот встретил удода с осмысленным по-человечески взглядом.

Воробьи сидят на проводе в ожидании моих крошек. Не одними же червяками да гусеницами питаться. Так и желудки можно испортить, хотя они и очень древние.

Ящерицы расселились по всем углам. Живут мирно. Очевидно, они знают друг друга, как жители одной деревни. Перед тем, как впасть в зимнюю спячку, может быть, прощаются друг с другом, желая счастливого пробуждения весной. Меня они тоже знают. Поэтому при встрече не шарахаются, а действуют сообразно принципу осторожности. В руки, понятно, не даются, поскольку им неведомо, что у меня в голове. Если пересекаемся где-нибудь на дорожке, то они пережидают в сторонке, пока я пройду, или спешат перебежать её до меня.

С муравьями установился мир, прерываемый лишь короткими выяснениями отношений. Мы их больше не выводим. Бороться с этим древним племенем бесполезно. Мы только не позволяем разводить колонии тлей на нежных листочках молодой яблони.

Возле дуба просыпается жук-олень. Весь в паутине, мусоре. Ждал этого момента, может, лет шесть. С месяц полетает, если птицы не склюют или соперники не поранят. Спарится, даст Бог. И всё.

Болтовня вокруг, бескультурье и банальность достают всё больше. О, сад, где ты, родной? Пытаюсь успокоиться: будь сам порядочным, какое тебе дело до других? Никакого. Но они лезут в глаза, уши, дотрагиваются, давят психически. А в саду их нет.

Счастье никому не служить и хотя бы на малом пространстве, но поступать по своей воле. В средневековом Китае интеллектуалы уходили жить подальше от суеты. В глухих местах процветало искусство. Рисовали и сочиняли не для заработка, а для самовыражения. Ну, показывали друзьям, единомышленникам.

У растений борьба честная. Просто каждый корешок тянется к воде, каждая веточка к солнцу. Никто ни в кого не стреляет, не обманывает, не устраивает западню, не ставит подножку. От прежних хозяев досталась целая поляна мяты. Вокруг стоял её запах. Да и красиво. Но поляну выкорчевали, рассадив помидоры, а мяту оставили по рубежу с растущей под старым синапом травой. Мята собралась с силой и вскоре раскинулась поляной под синапом. Пора опыления в саду – время зачатия плодов, садового праздника жизни. Время любви.

Шустрые, дружные воробьи гнездятся прямо под лоджией. Осторожные трясогузки – под банной застрехой. Скворцы – в скворечнике на дубе рядом с задними воротами. Чечеты несколько раз меняли гнездо, и я потерял его из виду, хотя самих чечетов вижу. Остальные птицы-соседи гнездятся в дубовой грядке, овражных кустах, наконец, других садах. На слуху и на виду постоянно иволги, дятлы, соловьи, синицы, кукушки, сороки,

вороны, горлицы, дикие голуби. Недавно появился удод. Да и грачи залетают. А подальше к обрыву снуют щуры, стрижи, ласточки. Вдоль берега летают цапли. Над Волгой – чайки. А над всеми кружат ястребы, луни.

Сотрудница рассказала о своей соседке, у которой от белокровия умер сын-подросток – мучился, бедняга, перед смертью полтора года. А та в это время зачала и после смерти сына вскоре родила дочь, которая, слава Богу, здорова. Сотрудницу смущало, как соседка в такой ситуации могла вообще думать о чём-то другом. Но эволюция приветствует тех, кто борется за жизнь своего рода. Вспоминается другой случай. В автокатастрофе погиб парень из моего подъезда. Тоже подросток, только что закончивший школу. Парень-магнит, огонь. Вокруг него вертелись сверстники. Он был единственным ребёнком. Родители съехали с квартиры. Бесследно растворились.

На улице дождь – неспешный, но зарядивший надолго. Присел на лавку возле крыльца. В саду слышен только звук дождя, его же лёгкая дробь по навесу надо мной. Перед глазами густая глянцевая зелень, подбитая внизу разноцветьем цветов. Посидев минут тридцать, почувствовал, что впадаю в забытье.

Что я делаю в саду? Наслаждаюсь его красотой, ароматом. Размышляю о вечном, не забывая утром и вечером полить огурцы тёплой водой.

После реанимации смотришь на мир глазами новорожденного, но со зрелым умом, и поэтому глубже, острее наслаждаешься этим новым старым миром.

Только воображением, душевным подъёмом можно освободиться от бесчисленных клеток судьбы, вырваться на просторы Вселенной, впрочем, тоже клетки, хотя и самой глобальной.

Аська убегает от достающих её малышей в мой сад, важно шествуя по его дорожкам. Ко мне относится по-приятельски, без всякой корысти, ведь я её не угощаю. Мол, я – Аська, ты – хозяин соседнего сада, друг другу мы не мешаем и ничем не обязаны.

Жду свата – по нашей июньской традиции. Мангал заправлен и ждёт только спички. Вино из погреба вынесено. Зелень для салата вымыта. Я приоделся. Что ещё нужно для встречи дорогого гостя? Едва выгрузили привезённое в беседку, как начался ливень – с громом, потоками воды, но, слава Богу, короткий. Под зонтами упрямо перетащили из дачи посуду и зелень. И правильно сделали. «Пир» начался уже под лёгкое постукивание дождя по крыше беседки, а завершился под щедрыми солнечными лучами, весело осветившими покрытые каплями листья. Посидели-поговорили со сватом, как всегда, широко. Обсудили всё – от Тимоши до будущего устройства мира.

Дождь затихает, и воробьи выскакивают из-под лоджии на провод, отряхиваются. Гром погромыхивает, удаляясь вниз по Волге. Погода роскошная – на открытом месте солнце припекает, в тени прохладно, тучки тенью пробегают, ветерок ласкает.

Духовный голод не так нагляден, как голод телесный, но ещё более сокрушителен. Без хлеба насущного человек слабеет и умирает. Без хлеба духовного он деградирует и превращается в зверя.

Библейское: Время мира – время рождаться, искать, собирать камни, сшивать, строить, насаждать, сберегать, врачевать, говорить, смеяться, плясать, обнимать, любить.

Райская улыбка это когда тебе приветливо, радостно улыбнутся, и ты сам невольно улыбнёшься, ходишь потом какое-то время с просветлённой душой.

На днях Аська прогнала серо-белую кошку с голубым бантом, которая явно не ожидала подобного приёма в прежде благосклонном к ней саду. Сегодня с утра раздалось призывное мяуканье персикового молодого кота. Его Аська не прогоняла. Разлеглась за нашей калиткой, томно поглядывая на сидящего рядом друга. Но Аську соседи забрали, а устремившегося за ней кавалера прогнали. Он мяукал вначале призывно, потом с плачущими интонациями и, наконец, ушёл, жалуясь на судьбу, восвояси.

Проснулся Тима и подал голосок с лоджии. Ему понравилось смотреть вниз сквозь решётку ограды и сидеть, развалившись на синем пластмассовом стуле. Тима ночевал в моём саду впервые. Всё ему было незнакомо. Заснул только в окружении мамы, папы и мишки – как дома.

Родные люди, свежий ветер, тенистая беседка в саду.

Верно говорят, что нет маленьких и больших дел. Есть добрые и другие. Бывший сотрудник привёз с Чёрного моря белых гладких камешков. Эти камешки я разбросал вокруг кактусов. Они оживили горшочки.

Бог умрёт с последним человеком на Земле.

Мистически настроенный приятель, будучи у меня в гостях, рассказывал о совпадениях в своей жизни. Пошёл провожать его на автобус домой. По дороге он купил в ларьке хурмы на 116 рублей. Потом зашли ещё в один магазинчик за гранатами. Взвесили ему две: на 116 рублей! Приятель посмотрел на меня многозначительно и развёл руками.

Есть ли такая кнопка – нажал и успокоился? Есть. Я знаю даже несколько таких «кнопок». Но они не всегда под рукой, не всякий раз до них дотянешься.

Воробей устроился сбоку на укроп и кого-то склёвывает со стебля. Тлю, кого же ещё? Вот молодец.

Перетаскивал бордюры. Тяжело. От новых соседей повалил вулканический дым – взяли и зажгли посреди сада накопившийся сушняк. Снизу от «тарзанки» на дубе взвился вверх детский плач. У других соседей вдруг взыграла сигнализация на машине. Господи, не в сумасшедшем ли я доме? Но вот всё стихло.

Решения судьбы, даже несправедливые, следует уважать.

Аська с утра не случайно на ветки мальта посматривала, чуть не подпрыгивала. В обед внизу возле цветов обнаружился пищащий воробьишко. Дался мне в руки доверчиво, как цыплёнок. Поставил его на лавку под опустевшее уже гнездо. На хлебной полянке прыгали взрослые

воробьи. С соседской яблони поглядывал чечет. Мы с Ольгой в беседке обсуждали, что же с ним делать? Какое-то время птенец пищал. Потом всё стихло. Лавка оказалась пустой. Аська не появлялась. Может, подлетевшие родители помогли ему вспорхнуть на ветку?

При взгляде на небольшие аккуратные начинающие светлеть гроздья сверхраннего сорта F-14-75 в памяти всплыла детская скороговорка: «На горе Арарат растёт сладкий виноград»!

Зашла в гости молодая приятельница, переехавшая в Москву, в которой, по её словам, работу, не задумываясь, ставят выше любви. Далеко не каждый человек бывает хотя бы раз в жизни влюблён по-настоящему.

– Как жизнь?

– Прошла.

Водяная змейка заметила меня раньше. Подплыв к берегу, она высунула точёную головку, выжидая. Остановился понаблюдать за ней. Но оказался нетерпеливее, ведь мне ничто не угрожало, и брызнул на неё ногой. Она тут же устремилась вглубь, грациозно извиваясь. Такого движения человеку не повторить, да и всем его многочисленным млекопитающим братьям.

Всю жизнь пробиваешься к свету в конце туннеля. Вот, наконец, забрезжило. Приглядишься, а это завиднелись очертания кладбища. И место незанятое проступает всё отчётливее.

Сад помогает справиться с дурным настроением, неустанно подтягивая до своего уровня, на котором всегда движение, бодрый труд, немеркнущая меняющаяся красота.

Устал, занимаясь два дня кряду мужской работой – копаньем, тасканием, бетонированием... Уставать бы так и через 10, и через 20 лет.

Друг мой, мудрый вид ты научился делать, но мудрецом пока ещё не стал.

Ведро горячей золы, которую я высыпал в общую кучу, воспламенилось – загорелись доски загородки, нагрелась кора соседнего дуба (вылили с Ванюшкой пять вёдер воды, чтобы всё затушить). Что нас ожидало? Мог загореться дуб, ветви и дальше поверху вся дубовая гривка. Но судьба послала нам добрых самаритян – новых наших соседей. Они приехали поздним вечером, потому что вдруг захотели искупаться в ночной Волге! Желание достаточно неожиданное, в нём виден перст судьбы. Пошли они к Волге через заднюю калитку, рядом с золой. Хозяин, Саша, ту же побежал будить нас. Соседи приехали, спасли нас, а утром уехали.

Пожилой пчеловод в доказательство хорошего качества своего мёда сказал с некоторой обидой в голосе: «Я 70 лет прожил с совестью – с ней и умру».

Часто совесть и деньги выглядят сообщающимися сосудами. Чем большего одного, тем меньше другого. Жизнь для многих так и завершается без поисков ответа на главный вопрос – зачем? Упёртость фаната своим напором сметает размышления ищущего истины человека.

Утром были с гостившим у нас Борисом на пляже. По берегу расхаживала цапля. Ещё пара пролетала над нами. Вдоль воды прыгала в поисках добычи трясогузка. С той же целью ныряла в Волгу чайка. Над прибрежными деревьями и зачем-то над волнами трепетали крыльями бабочки. Хватало всяких насекомых, в том числе и больно жалящих мокрые ноги оводов. За всеми неустанно носились ласточки. Провожал нас с пляжа огромный светло-коричневый кузнечик. А в саду мы сфотографировали вчерашнего «помидорного» большого кремового паука. На этот раз он сплёл кружевное солнце между другими помидорными кустами, украсив тонкое кружево толстой видной издалека нитью.

Чудесно отдохнул в обед в качалке за баней под сенью яблонь, ласкаемый лёгким ветерком, согреваемый ласковыми лучами солнца. Детские голоса, птичий щебет, дальний гул моторки, рабочие звуки садоводов иногда прорывались в дремлющее сознание, но не мешали общему покою.

Шарпей Ричи испугал Аську. Она прилегла возле забора на нашей стороне и спокойно наблюдала за хаотичными движениями Ричи по саду. Он её сразу не заметил. Но когда увидел, прыжками устремился к ней. Молча. Аська молнией метнулась через забор на свою сторону. А пёс, так же молча, ещё какое-то время энергично высматривал её сквозь заборные щели.

В час ночи небо поделилось на две части. На южной, волжской, стороне безмятежно сияла луна, блестели звёзды на чистом небосклоне. На северной, саратовской, покрытое тучами небо громыхало, блистало молниями.

Ветерок, прохладно. Ближних соседей нет. Тишина мёдом вливается в уши. В августовском нежарком саду так хорошо одному, что даже совестно.

В беседке завёлся огромный богомол. Он неловко охотится за ночными бабочками, слетающимися на свет фонаря, срывается с кирпичной банной стены. Явно тянется к нам. Оплетённая виноградом беседка – центр моей садовой цивилизации.

Подарил книжку сотруднице, которая сказала, что кроме искусства ничего в жизни стоящего и нет.

Прохладно. Хмуровато и на душе. Взялся рыхлить тяпкой политую вчера землю возле цветов, в малиннике. Проглянуло солнце – потеплело. Ушла и хмурь. А пролетевший над садами к Красному Текстильщику мотодельтапланерист с совершенными очертаниями крыльев своего диковинного аппарата ещё прибавил оптимизма.

Умение воодушевлять и раздвигать горизонты, может быть, самое ценное человеческое качество. Ведь жизнь – это движущееся настоящее.

Красавица Аська устремила охотничий взгляд в заросли дикого винограда. На моё ласковое «Аська! Аська!» шевельнула хвостом, мол, слышу, не изменив напряжённого выражения своей прелестной трёхцветной мордочки.

Солнце за тучами ходит яркое, горячее.

Странный джентльмен, в окружении дворняжек и ротвейлера шедший утром мимо ворот, с большим аппетитом и очень аккуратно ел яблоко.

Прогоревшая куча хвороста, несмотря на прошедший ливень, по-прежнему горячая, дымится вулканом.

Травка прорастает под террасой изящной зелёной щетинкой.

Человек сложный, противоречивый, значит, нормальный человек. Я живу, значит, я счастлив. И хватит об этом. Лучше выпьем моего красного сухого вина! Прошлое лето было жарким, и вино получилось отменным – терпким, душистым, утоляющим жажду.

Яблоко, рождённое яблоней на съедение, не может не благодарить её за два-три восхитительных летних месяца, наполненных соком, светом, воздухом, чувством созревания.

Аська зашла в дачу, прошлась по комнатам и вышла. Мышей нет. Разлеглась возле лавки и внимательно смотрит, как я на крыльце разливаю воду из больших ёмкостей по маленьким. Взгляд у неё умный, человеческий.

В конце сентября радуют петунии, цветные «ромашки», флоксы, мальвы, рудбекии, маленькие жёлтые и розовые хризантемы. Но я жду расцвета больших роскошных красных хризантем.

Чья-то смерть – ещё один думающий лист оторвался и слетел на землю.

Вечером перечитал материалы о дуэли и смерти Пушкина: «Жизнь кончена, тяжело дышать». Стало так горько, чуть не расплакался.

Начало ноября, 4 градуса тепла, ветерок, но солнце яркое, манящее. Занимались с утра домашними городскими делами. И вдруг: а не поехать ли в сад? Шустро собрались и на «газель». Сожгли в саду хворост, набрали золы, побелили оставшиеся деревья, листья пособирали. А тут и Ванюшка подъехал. Побродили с ним по опустевшему дачному посёлку.

Неспокойная душа

Всё, что я ищу – бальзама для сердца прежде, чем я оставлю эту Землю.
Карлос Кастанеда

Побывал в зимнем саду. Температура плюсовая, снег мягкий, но держится. Безветренно. Первобытная тишина. Присел в беседке на скамейку возле старинного круглого стола, стоящего летом у кострища. И сидел-то каких-нибудь 10 минут. Но успел задуматься, переворошить мысли.

Чего же я хочу на склоне своих лет?

Остановить, наконец, внутреннюю болтовню. Научиться хоть в краткие мгновения достигать полного душевного спокойствия. Жить по-библейски – веселиться и делать доброе в жизни своей, наслаждаться делами своими, в дни благополучия пользоваться благом, а в дни несчастья размышлять.

Читать Омара Хайяма, воспаряя мыслями и чувствами. Писать эссе, радостно ощущая в себе живое творческое начало. Пить домашнее красное сухое вино в небольшой компании таких же ценителей жизни. Летом жить за

городом, бесконечно возиться с деревьями, цветами и виноградом, наслаждаясь цветущим садовым миром, восхищаясь его неунывающими жителями.

По-прежнему выходить летним вечером на высокий берег Волги. Широко открытыми глазами вбирать её ширь, острова, редкие яхты, постоянно меняющийся отражённый водою свет, наполняющий душу тихим восторгом и надеждой.

Одним словом, жить в радости, не теряя веры в будущее.

И ещё хотелось бы постичь тайну окружающего мира, вновь и вновь ощущая его могущество и красоту. Может быть, поэтому очень хочется быть звездочётом. От этого полузабытого слова веет ароматом седой мудрой древности.

Разумеется, пока всё ложное, искусственное не преодолеешь – в полной мере свободой, садом, открытым со всех сторон миром не насладишься.

К тому же всё под луной, как заметили уже древние китайцы, может быть совершенным не больше, чем наполовину. И этой половины достигнуть не просто, вся жизнь может пройти, а ты ещё в пути и недалеко ушёл. Тянуться к высотам совершенства это ведь не в сундук добра напихать и усесться на него, чтобы никуда не делось.

Что же беспокоит душу?

Например, хорошо, что рукописи не горят, а книги не умирают. Досадно, что всё плохое случается с их творцами.

Может быть, мы и счастливы неведением. Но избавь нас, Господи, от умственной унылости в старые годы.

Проблема и в том, что жизнь порой кажется бессмысленной. Ставишь себе цели, достигаешь их, но смысла в этом не видишь. Можно загрузить себя под завязку, чтобы не было времени на пустые размышления, но мысль о бессмысленности всё равно пробьётся и настигнет тебя. Кто-то каждую минуту борется за жизнь, ему не до её смысла, лишь бы выжить. Выжил, а дальше что? Человек дряхлеет, умирает, мир во время его жизни мог бы обойтись и без него. В чём же здесь смысл? «Всё проходит». Вот и смысл. «Надо жить!» Что ж, продолжим это занятие. И не станем спрашивать: «Зачем?»

Наступает, наконец, момент, когда бесконечные цитирования чужих слов, даже самых справедливых, начинают становиться неубедительными – искусственными, надоедливыми и даже смешными.

Бывает, хочется поменять национальность, как меняют веру. И в какую бы нацию перейти? Где меня заждались?

Дурацкие мысли, конечно, неприличны. Настаивать на своём до крайностей бесполезно. Жизнь всё равно окажется несовместимой с тем, что ей мешает и проторит себе дорогу. Не забывать бы ещё, что мы живём на необъятном монолитном фундаменте эволюции. Но если под нашим неуёмным напором фундамент накренится вправо или влево, мы все полетим в этом же направлении. А если он треснет, мы провалимся в трещину. Вместе

с непобедимыми армиями, перспективными политиками и олигархами. Жаль, что в эту трещину устремится с общим потоком и мой сад.

И вот что ещё беспокоит. В России власть, как бы она не называлась, всегда печётся о благе народа, о чём трубит с утра до вечера. И всегда ей что-то мешает добиться заявленной благородной цели. При этом сама она живёт припеваючи. Поэтому простые люди должны вести себя предельно осторожно и не торопиться принимать в политике чью-либо сторону. Потому что настоящие, а не показные интересы сторон непосвящённым неведомы. Потянешься к добру и перевесишь чашу зла. Пожалеешь, но будет уже поздно. Зло свершится, в том числе и с твоей помощью.

Да и стоит ли тратить драгоценное время на политические и прочие дрязги? Не по душе мне звериная ненависть к чему и кому бы то ни было. Не лучше ли избегать пустых забот? Не благороднее ли служить красоте, не уставая удивляться сказочному разнообразию мира? В качестве путеводной звезды держась разумного, ответственного отношения к себе и людям. Жить бодро, с широко открытыми глазами, но не в интересах господствующей власти, а в своих собственных, порядочных, радостных интересах.

Это сладкое слово «домой!»

Тонино Гуэрра однажды спросил у Феллини: «Ты не боишься умереть?» На что тот ответил: «Откуда мы знаем, может быть, смерть это неизвестное нам увлекательное путешествие».

Внук от полноты переполняющих его радостных чувств подбегает, доверчиво охватывает мои ноги, утыкаясь в них, задерживаясь на какое-то мгновение – вот оно, мгновение счастья. Младший сын с невесткой празднуют каждый месяц своего первенца. Они правы. И для них, и для Тимоши месяц сейчас стоит года. Хотя дети по-своему внутреннему состоянию бессмертны.

Осуждение других и восхваление себя – две стороны одной глупой медали. А ещё напрягает само мироустройство, приводимое в действие борьбой «добра» со «злом». Вся эта ситуация бесконечного выбора, когда на самом деле выбора нет. Нам ещё рано становиться бессмертными. Мы слишком несовершенны для такого состояния и только замусорим его. А мусор и бессмертие несовместимы. Это ведь мы, бывает, возвращаем собакам их природное зверство. Собаки, кошки и другие домашние питомцы, напротив, стараются сделать из нас людей.

Сразу почувствовать себя свободным, выйдя из жизненного тупика, не каждому дано. К свободе ещё привыкнуть надо. А умение красиво говорить ничего не доказывает. Вот что значит прожить жизнь: много мудрости скопилось, да мало лет осталось. Но из стареющего тела душа смотрит на мир прежними молодыми глазами. И поэтому она не может не печалиться, не плакать.

Несправедливость – это воздух, которым мы дышим. Но не повод, чтобы не радоваться светлому дню. Ведь впереди вся оставшаяся жизнь.

…Сад не меняется со сменой времён года. Меняется только его очарование. Всё суета сует, но не сад, да простит мне Соломон моё

несогласие с ним. Не могу насладиться им, как утомлённый жаждой путник не может оторваться от родника. Вот и зимой желанную власть сада чувствую так же остро, как и летом.

Твёрдая земля под ногами словно намазана снегом. Виноград под плёнкой и снежным порошком. Яблони в ещё не опавших коричневых листьях. Местами проглядывает зелёная трава. Вдалеке печально каркнула ворона. На мальт неожиданно взлетела яркая сорока.

Какое-то хорошее спокойствие наполняет душу. Всё суетное уходит. Сад не мёртв, он даже не спит. Он готовится к встрече весны, набираясь сил для нового расцвета и продолжения вечной жизни.

Дегустация вина в домашней обстановке

Кто-то ходит в баню накануне нового года. А мы с приятелем после Крещения Господня пробуем своё молодое красное сухое вино. Вот и в этот раз он приехал ко мне со своими образцами. Я приготовил свои. Устроились на просторной кухне за столом с соответствующей случаю закуской и полудюжиной больших стеклянных винных бокалов. Зимой в городской квартире чувствуешь себя в светлой и тёплой подводной лодке, плывущей в тёмном пространстве, где хозяйничают мороз и злой ветер.

По праву хозяина налил понемногу из всех представленных образцов.

Подождали, пока вино насытилось кислородом. Полюбовались на «винные ножки», нехотя стекающие вниз. Гранатового цвета вино на свету засверкало изысканным тёмно-вишнёвым оттенком. Вдохнули лёгкие фруктовые запахи, наконец, попробовали и с удовольствием ощутили горьковатый вкус созревающего вина.

И с градусами всё в норме – хмель мягко растворился в голове. И мысли помягчели. За столом стало ещё душевнее, доверчивее. Ведь вино и рождено для радости, а не для ссор и скандалов.

Моё вино приятель похвалил. Предположил, что добавка местного виноградного сорта Мукузани придаёт ему изюминку – ощущение «недоброда при переброде», то есть при реальной сброженности. Заметил, что наше вино из потапенковских сортов зреет быстрее. Мы обсудили достоинства Неретинского, Агатама, Прорыва и других виноградных шедевров с общим амурским корнем. Поговорили о виноградниках, потихоньку приобретающих зримые черты и в наших окрестностях.

Почти сразу в разговоре о вине и винограде зазвучали библейские мотивы. В седые непроглядные времена люди вкусили забродившего сока виноградных ягод и «проснулись», обретя сознание. И вся дальнейшая жизнь людей, по-нашему с приятелем глубокому убеждению, оказалась крепко связана с гроздью, отражающей расширяющуюся Вселенную.

После второй пробы нам немного взгрустнулось.… Представилось, что когда-нибудь на опустевшей Земле останется последний куст винограда. И человек будет неотрывно смотреть на ветку с дозревающими плодами. Они

вместе покинут роскошную прежде планету. Не будет больше ни винограда, ни людей, потерявшихся без лозы жизни.

Удивительно, как любой разговор на русской кухне незаметно переходит в обсуждение вопросов мироустройства. И вот уже вокруг нас закружились слова о душе, энергетике человека...

– Всё на Земле и в Космосе взаимосвязано друг с другом, начиная с Большого взрыва и до скончания веков, – убеждал меня приятель. – Глобальное информационное поле предопределяет путь каждой пылинки.

– И наш с тобой путь к винограду тоже был предопределён?

– А ты сомневаешься?

В данном пункте я не сомневался – в какое-то мгновение высветилась вся жизнь, и я увидел, как судьба настойчиво вела меня в этом счастливом направлении. Да и другим приятельским доводам не возражал, хотя, на мой взгляд, многие тайны хороши именно своей недоступностью. И пусть сидят себе, как джины в бутылках.

Мы с приятелем спокойно наслаждались своим добрым вином, свободно говорили обо всём, что вздумается. Никто не заглядывал из-за спины, не подталкивал под локоть и мы никому не были в тягость. Наши души стремились в полёт.

Между тем, дегустация продолжалась своим чередом. Обнаружилось, что у приятеля вино более терпкое, чем у меня. Отчего? Может, от того, что он не отделяет гребни при сбраживании. Может быть, от почвы – у него на Зелёном острове вокруг один песок. А у меня в саду за Хмелёвкой лёгкая земля и богатое фруктовое окружение. Но наше молодое вино было в порядке. Нам оно нравилось – вот что главное в оценке вина, впрочем, не только его.

В завершение попробовали вино с добавлением мёда. Приятелю понравилось. А мне показалось сладковатым. Нет уж, буду придерживаться классики. Сухое, значит, сухое.

Раньше всё никак не мог взять в толк, как же герои старинных романов утоляли вином жажду. Напротив, мне хотелось ещё больше пить. Попробовав своего терпкого душистого вина, понял – дело в том, что герои пили настоящее вино, а не сегодняшнее магазинное.

Вдруг нам с приятелем захотелось уехать в Испанию, встретиться там с женщиной, говорящей на испанском языке с лёгким португальским акцентом. Вся жаркая Испания с её апельсиновыми рощами и звоном кастаньет, пусть выдуманная, но близкая и родная, встала перед нашими заблестевшими глазами. Для нас она, как и другие средиземноморские страны, остаётся обетованной землёй сплошных виноградников и жизнерадостных виноделов, понимающих, что к чему в этом мире, и с которыми мы бы легко нашли общий язык.

Вспомнился фильм о виноградниках Лаво в Швейцарии, устроенных на склонах гор, сходящих в Женевское тёплое озеро. Кусты плодоносят здесь со времён Древнего Рима. В старину за спину привязывали высокие плоские корзины. Женщины нагружали их срезанными с веток гроздями, а крепкие

парни сносили вниз и высыпали, наклонив плечо, не отвязывая, прямо в давильные чаны.

Как же захотелось быть таким вот неунывающим крепким парнем, перекидывающимся шутками с весёлыми сборщицами, с достоинством носящим свою наполненную плодами корзину. Чтобы вся жизнь прошла под чистым небом, среди узорных листьев винограда, на родной земле под ногами.

Проводил приятеля до остановки на автобус. Зимний день клонился к вечеру. Под ногами пружинила земля, покрытая порошей. Мы ещё успели поговорить по дороге о том, что лучшее вино получается только из своего винограда, а если уж молиться, то вечности.

Хорошее красное сухое вино, подержав человека в своих ненавязчивых объятиях, так же легко отпускает его, возвращая в привычное состояние. Только душа становится чуточку нежнее. А мысли ещё какое-то время парят над обыденным строем вещей.

Ах, крокусы…

В конце зимы, прихватывающей, как правило, и март, невольно затоскуешь от нескончаемых морозов и снегопадов. И тогда начинаешь всё чаще вспоминать о крокусах. Ждёшь встречи с ними.

И вот апрель. Утром покрапывало. Но потихоньку тучи разошлись. Голоса птиц оживляют ещё пустынные садовые окрестности. Глазами быстро ощупываешь знакомое место. И вот они, крокусы, выглядывают из чёрной влажной земли. Не подвели. Их ещё зелёные остренькие макушки осторожно осматриваются. Недалеко от них красуются пышными плотными листьями тюльпаны. И настойчивые нарциссы высыпали кружком. Но первыми зацветут маленькие нежные крокусы.

Несмотря на свою малость, крокусы цветут ярко, открыто утверждая своё явление в мир. Это тоже трогает. Жаль, что долгожданное садовое чудо так быстро отцветает. Только что жёлтые и фиолетовые слегка озорные верхушки прямо из земли взмывали к солнцу. И вот они уже завяли, оставив вытянутые со светлой продольной полоской листочки, которые быстро затеряются в общей зелёной массе. В саду продолжает разворачиваться привычный порядок жизни. На смену неустойчивой весне спешит жаркое лето с другими прекрасными цветами.

Но взгляд ещё не раз скользнёт по заветному уголку земли. И прыткую тяпку всякий раз останавливаешь, чтобы не поранить в земле драгоценные луковички. Через год они опять порадуют душу.

Крест бабича

Этот небольшой участок земли вдоль волжского обрыва давно привлекал моё внимание. Диковатый на вид, заросший жёсткими цепкими степными цветами вперемежку с вихрастым ковылём. С одной стороны его ограничивают дачные постройки. Другой он выходит к окраинам старинного села Хмелёвка. Напротив, через дорогу, зеленеет большое ухоженное Хмелёвское же кладбище.

Но с десяток старых крестов, пошатнувшихся ржавых оградок есть и на участке. Один крест на самом краю обрыва виден издалека. Подошёл к нему. Железный православный крест с кружочками на семи концах. Внизу – большая табличка из нержавейки. На ней свежая гравировка:

БАБИЧ ЯКОВ ВАСИЛЬЕВИЧ

5.01.1863 – 27.02.1936

Под моими ногами, всего-то копнуть несколько раз, лежали останки человека, увидевшего свет полтора века назад. Ворохнулось в душе. Судя по датам, воевать Бабичу вряд ли пришлось. Разве только в гражданскую. Но вот голодать на своём не малом веку наверняка приходилось.

Чем же ты занимался, Яков Васильевич? Рыбачил? Огородничал? Хлеб сеял? Богато жил или бедствовал? Добрая ли у тебя жена была? И работящие ли дети? Очень хочется верить, что жил ты, может, и не без греха, но по-человечески, как всем нам заповедано. Трудился, не покладая рук, встречал, как положено, праздники, заботился о семье. Одним словом, пользовался благом, когда везло, и терпел, когда приходили несчастья.

Поэтому тебя и не забывают. Вот и табличку обновили, и цветы бумажные не чужие же люди принесли. Значит, род твой продолжается.

И тут только пришло в голову, что этот сиротливый уголок земли был когда-то обычным кладбищем. А бугорки, по которым так неудобно ходить, – остатки могил.

Судя по всему, кладбище было устроено на высоком берегу, как и сама Хмелёвка. Скорее всего, участившиеся оползни вынудили хмелёвцев перенести его подальше от обрыва. Потом старое и новое кладбища разделила дорога. И оставшиеся на краю могилы оказались предоставлены сами себе.

Закрапал собиравшийся с утра дождь. Но я побродил между уцелевших надгробий, прочитал надписи, где они сохранились. На самом старом кресте просматривалась иконка Божьей матери. На нескольких крестах уцелели фотографии. Один огорожен новыми блестящими цепями. Но большая часть крестов и пирамидок со звёздами клонится к земле.

Проглянуло, наконец, солнце сквозь скопившуюся небесную хмарь. Горячие невидимые лучи вновь обласкали всё живое. Ещё раз оглядел участок, редкие оградки и крест Бабича. Подумалось, а хорошо бы, если через сто лет и мой будущий крест также упрямо смотрел в небо.